

Представляем вниманию читателей ряд интервью, проведенных Дмитрием Шушапиным в рамках подготовки фондом «Территория будущего» семинара «Этнокультурный вектор развития России» (2004 г.).

Александр Погорельский, председатель правления Фонда «Территория будущего»

— Прошел очередной семинар из цикла «Будет ли существовать Россия?». На этот раз в центре обсуждения оказался один из самых деликатных и болезненных вопросов — национальный. Каков был формат диалога?

— На обсуждение были вынесены такие вопросы, как прогноз формирования гражданской нации в современной России, соотношение понятий «русское» и «российское», составляющие и противоречия национальной идентичности россиян. В качестве отдельных проблем были рассмотрены вероятность обострения межэтнических отношений в России в ближайшем будущем и угрозы возможной дезинтеграции России. Мы также постарались определить субъекты влияния на этнокультурные процессы и механизмы воздействия со стороны власти, экспертного сообщества, различных политических сил. Собственно, вокруг этих тем и пошла дискуссия на круглом столе.

Первый и самый главный вопрос — о гражданской нации в современной России.

Если понимать под гражданской нацией «общество, овладевшее государством» (по Карлу Дейчу), то у нас, конечно, нет гражданской нации. И в этом смысле прав участник семинара Эмиль Паин, говоривший о том, что к гражданской нации не могут себя причислять такие люди, как Аслан Масхадов. Вместе с тем, на наш взгляд объективно существует *российский суперэтнос*. Все входящие в него этносы испытывали и испытывают сильнейшие взаимное воздействие друг на друга, что, несомненно, отразилось на менталитете каждого из этносов, их культуре и системе ценностей. Представители этносов, живущих в России, в большинстве случаев осознают свою принадлежность к суперэтносу, идентифицируют себя с ним и страной, в которой живут. И отчуждение от государства не означает отчуждения от суперэтноса и страны. Тот же лидер чеченских боевиков, не относясь к гражданской нации, независимо от его желания, относится к российскому суперэтносу. Действительно, Масхадов — полковник Российской армии, прошел российскую военную школу, говорит и думает на русском языке, во многих своих поступках ведет себя как русский.

— То есть суперэтнос — это некий предварительный этап на пути развития гражданской нации?

— Скорее, база для возможного формирования гражданского общества. Обычай и ценности российского суперэтноса включают наследие всех предыдущих эпох. Но главное все-таки не в прошлом. Важно, является ли ценностью сама Россия и возможность жить в ней. Без признания того, что Россия имеет ясное и благополучное будущее нельзя объединить граждан в единую нацию.

— **А кто будет объединять? Государство?**

— Явится ли объединяющей ценностью российское государство или нет, зависит от самого государства. Там, где государство подавляет большую часть населения или игнорирует его интересы, формирование гражданской нации невозможно или, по крайней мере, отстает от формирования суперэтноса.

Мне кажется, что в обществе постепенно формируется представление о предпосылках создания гражданской нации в России. И первая из них — это *отделение этничности от государственности*. То есть на деле в сфере государственной власти и госучреждений должна быть реально обеспечена «слепота» по отношению к этнической принадлежности граждан. Речь идет не о новых законах, а об устроении жизни по букве и духу нынешней Конституции.

В перспективе может идти речь и об изменениях в законодательстве. В современных условиях новое звучание приобретает «бундовская» идея национально-культурной автономии. Статус государства, обладающего суверенитетом, имеет лишь Россия. Все национальные образования со временем приобретают статус земель (регионов) этого государства. Права регионов в этнокультурной сфере расширяются. Это и определяет, прежде всего, степень свободы в развитии правового плюрализма. В регионах компактного проживания отдельных этносов проводится целенаправленная работа по развитию этнической культуры и традиций.

— **То есть этничность отделяется только от государственности, но не от общества и личности?**

— Да. Можно прогнозировать коренное изменение отношения общества к этничности человека в рамках будущей гражданской нации. Этничность, как и религиозность, — положительная характеристика человека, отражающая его интерес к своим корням. Нравственные основы и стимулы к деятельности могут черпаться не только в вере в Бога, но и в традициях семьи, памяти о предках, связях с малой родиной. Человек этнический, не до конца деформированный глобализацией и унификацией, своей этничностью, самобытностью и интересен. При этом возможным становится явление трансэтничности (преобразования типа Касиус Клей — Мухаммед Али). Этническая принадлежность становится личным делом человека, сферой его частной жизни. Иными словами *этничность приватизируется*. Следует отметить, что этническое и культурное разнообразие, потенциально является колоссальным богатством страны. В новой экономике решающее значение будет иметь креативность, способность генерировать принципиально новые идеи и образы, которые, как правило, рождаются на стыке культур.

— **Но, согласитесь, это не снимает проблем национально-государственного устройства.**

— Мне представляется, что дальнейшее развитие должно идти по принципу *унификации в диверсификации*. Если предположить, что каждому типу этнических отношений соответствует некая рациональная этническая политика, то при наличии огромных этнокультурных перепадов в России, различных условий в разных частях страны, целесообразна некая дифференци-

ация методов разрешения этнических проблем. Таким образом, на федеральном уровне должны быть заданы общие рамки этнической политики, а конкретные формы должны формироваться в регионах, в процессе диалога с местными элитами.

— **Вам не напоминает это переход к жизни по «законам этноса», то есть к апартеиду?**

— Разумеется, это не так, речь идет об унификации правового пространства России при диверсификации правовых отношений центра с регионами, а также форм этнических отношений внутри этих регионов. Мы не склонны к биологизации этноса. Нам близка позиция академика Бромлея, сформулированная еще в начале 70-х гг. прошлого века. *Определяющим признаком этноса является не кровь, а самосознание, самоидентификация.* Затем идет язык (существуют этносы, говорящие на двух и более языках), затем традиции, обычаи, привычки, представления о должном и недолжном, часто — религия, а уже затем все остальное. К самоидентификации добавляется этногенетический миф, то есть миф о происхождении (в разных пропорциях включающий факты, гипотезы и вымысел). На этой базе возникает противопоставления «свои — чужие», «мы — они», «с кем мы дружим, кого недолюбливаем, кого ненавидим» и т.д. Потом появляются лидеры и группы, стремящиеся всему этому придать политическую окраску и использовать в своих интересах.

— **Что ж, некоторые тезисы по национальной политике складываются.**

— Да, пожалуй, три основных: существование российского суперэтноса как предшественника гражданской нации; отделение этничности от государственности и приватизация этничности.

Эмиль Паин, директор Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН: «Главный дезинтеграционный фактор — это централизация»

— **Начнем с прогноза формирования гражданской нации в России.**

— Президент Путин все чаще стал использовать термин «российская нация». Считаю саму постановку вопроса о «российской гражданской нации» весьма позитивным явлением. Вместе с тем, трактовка этого понятия российскими официальными лицами, мне представляется весьма упрощенной. Они, по сути, лишь называют российское население нацией и полагают, что она уже существует, поэтому и усилий никаких прикладывать не нужно для ее формирования — только переназовем население нацией и все. Если же следовать современным политическим теориям нации и видеть в гражданской нации социокультурную проекцию гражданского общества, то тогда станет ясно, при каких условия гражданская нация может сложиться в России. То есть, если, по Карлу Дейчу, нация — это общество, овладевшее государством, а его культурологическая часть — это те ценности, с помощью которых осваиваются и вырабатываются политические доктрины, то гражданская нация — вещь довольно отдаленная.

В принципе я работаю в парадигме современных политических доктрин формирования гражданской нации, полагая, что для нее формальное юридическое гражданство является не единственным и, возможно даже не самым главным основанием. Другое дело — низовая легитимизация политического порядка. В этом смысле гражданин России Масхадов явно не входит в гражданскую нацию: ни он себя не зачисляет в российскую нацию, ни она его не принимает.

Гражданская нация — это определенное единство культурных ценностей. Пока происходит процесс прямо противоположный. Мы наблюдаем серьезный разрыв общества именно в связи с разным отношением к неким культурным ценностям. В начале девяностых годов казалось, что элита и массовое сознание принимают некие базовые ценности типа: «так жить нельзя», «мы возвращаемся в Европу». Сегодня же ситуация прямо противоположная: происходит инверсия ценностей и целей, возвращается то, что в социологии называется неотрадиционализмом или имперским традиционализмом. А в этническом отношении именно имперский традиционализм является фактором сильнее всего, разрушающим мироэтническое единство.

Я недавно выдвинул идею «этнополитического маятника» и сейчас пытаюсь описать ее в качестве модели циклической смены субъектов этнополитической активности. На первом этапе (1990-1993 годы) это были этнические меньшинства, потом в середине девяностых и особенно после 2000 года, основную активность взяли на себя русские. К 2002 г. уже более двух третей опрошенных русских полностью или частично поддерживали лозунг «Россия для русских». В ответ снова начал активизироваться национализм этнических меньшинств. Общество раскачивается подобно маятнику: первый цикл его колебания — это активизация этнических меньшинств; второй цикл — этнополитическая активизация русского большинства. Вероятным следствием может стать третий цикл колебаний маятника — новый подъем этнополитической мобилизации этнических меньшинств.

Так что пока мы наблюдаем процесс растущего этнического размежевания, а вовсе не консолидации, которая является важнейшим заключительным индикатором формирования той самой гражданской нации, о которой мы говорим. Сегодня Россия переживает серьезный кризис «гражданской идентичности» и одновременно бурный рост традиционализма.

— Подробнее, пожалуйста, об этих процессах, об идентичности, о меньшинствах.

— В споре со мной лидер радикального крыла русского национализма возмущенно говорил: «Что такое россияне? Россияне — это русскоязычное население. Русский человек никогда не назовет себя россиянином». При иных обстоятельствах, возможно, и я бы согласился на то, чтобы все население, в конечном счете, называло себя русскими. Но у нас это не реально: представить себе, что татарин, якут, калмык в современных условиях добровольно откажется от собственного этнонима (самоназвания) и будет называть себя русским, невозможно. В этом смысле у слова «россияне» лучшие перспективы, поскольку оно лишено этнического подтекста. Для единого самосознания граждан России оно подходило бы больше. Кстати, меньшинства к нему

относятся со значительно большим пиететом. Бывая на семинарах, где присутствуют лидеры национальных автономий, национальных движений, я убеждаюсь, что они как раз за то, чтобы по аналогии с «американцем», «казахстанцем», распространилось именно это слово.

Рост русского самосознания — явление новое. Социологические исследования, которые проводились в конце советской эпохи, фиксировали крайне слабое этническое самосознание этнического большинства Советского Союза. Дело в том, что этничность — это форма самосознания, которая возникает в противопоставлении себя другому, а большинство никогда не самоопределяется по отношению к меньшинству. После распада Советского Союза ситуация изменилась: русские впервые вышли на уровень горизонтальных взаимоотношений с меньшинствами. Поскольку меньшинства себя проявили в начале в спорах между собой, первые конфликты на постсоветском пространстве были конфликтами без русских. Мы наблюдаем бурный рост русского самосознания с середины девяностых годов. Это в основном тревожное самосознание, не носящее позитивно-конструктивной основы.

Как ни странно, неэтническая форма слова «нация» довольно быстро приживается в сознании. Словосочетания «национальные интересы», «национальная сборная», «национальная оборона» распространены не только в элитарных кругах. Но, к сожалению, заметно и другое, я бы сказал, «вульгарно этнографическое» наполнение содержания понятия нации, при которой она рассматривается, чуть ли не как биорасовая особенность, навечно прикрепленная к этническим сообществам. Сегодня, в условиях роста неорационализма, представление о том, что существует некая русская ментальность, которая чего-то категорически не принимает, а какими-то свойствами изначально наделена — это массовое явление. Раньше все знали, что если требуют этнического права для какой-то группы, то это зачатки некоего сепаратистского движения. И такой этнической правосубъектности власти боялись. Сегодня же с этим требованием выступают партии, называющие себя «защитниками русского народа», и отношение со стороны власти другое. Свидетельством тому закон о русском народе, который лежит в числе первых на повестке дня в Комитете по делам национальностей Государственной Думы. В этом законе, по сути, проводится идея иерархизации статуса этнических общностей: есть один народ «государствообразующий» и прочие — они, по логике закона получают «государство разрушающими».

— Кто его автор?

— Я не знаю конкретного авторства, но ныне все председатели комитетов Госдумы — представители «партии власти». Она предложила этот законопроект к рассмотрению и, следовательно, она несет за него ответственность. Так что сегодня мы можем говорить о двойственности сигналов, подаваемых властью. Президент толкует о гражданской нации, а подконтрольная ему «партия власти» трактует национальную идентичность россиян как преимущественно этническую. И эта «двойная бухгалтерия» проявляется повсеместно. В последнем послании президента в качестве стратегической цели России выдвигается ее движение к «свободному обществу свободных людей», к укреплению институтов гражданского общества. Вместе с тем, в условиях

расширения своих функций и полномочий бюрократический класс все с меньшей охотой готов расстаться со своими растущими возможностями. Укрепление «вертикали власти» требует послушания, развития подданнического сознания, диаметрально противоположного гражданскому. Ослабление роли парламента, партий, общественных организаций приводит к тому, что зачатки гражданского общества хиреют. Растущее использование административного ресурса, грубое вмешательство властей в избирательный процесс, в дела судов и местного самоуправления подрывают доверие и интерес населения (пока еще отнюдь не общества) к демократическим институтам как таковым, усиливают патерналистские настроения. Ожидать, что в таких условиях когда-нибудь сами собой созреют условия для развития гражданского общества, по крайней мере, наивно. Уровень подданнического сознания россиян сегодня выше, чем был еще пять-шесть лет назад. Хотя это уже не подданничество времен советской или российской империи: люди еще готовы верить в то, что «государство должно заботиться о нас», но уже не готовы с охотой служить государству: *Если они думают, что они нам платят», пусть думают, что мы им служим*». Сегодня наблюдаются полная политическая демобилизация и высочайший уровень отчужденности от государства.

Последние избирательные кампании — парламентские и президентские — показали, что ныне модель «показной лояльности» характерна для политического поведения подавляющей части электората, особенно в республиках Российской Федерации, продемонстрировавших «одобрямс» советского типа — свыше девяноста процентов «за». Власти, похоже, довольны подобными результатами. Между тем им стоило бы насторожиться, поскольку выборы, на мой взгляд, показали высочайший уровень политической отчужденности населения, рассуждающего по принципу:— *«голоса не кровь, их не жалко*». История показывает, что подобные настроения характерны в периоды, предшествующие бурным переменам. В пример приведу почти поголовную поддержку жителями Алжира новой французской конституции в 1958 году. Это случилось за три года до того, как Алжир с боями ушел из состава Французской республики.

— Гражданская идентичность подразумевает такую вещь как правовая унификация, единство правового пространства для всей страны. Это свойственно новоевропейским, модернизированным государствам. Империи же, как мы помним, отличались правовой пестротой, будь то британские договоренности с раджами или российское владычество в Средней Азии и на Кавказе. Что сейчас, с вашей точки зрения, происходит в России?

— Право возникает на основе моральной легитимизации неких условий. Оно само по себе мало чего значит, если это внешнее право. Право навязывает конституционный порядок Чечни. С точки зрения права, он законен, но он не принимается, он не легитимен для них. В этом смысле у нас не происходит освоения права. И не произойдет. Просто так заставить онемевшее отчужденное общество быть правовым, на мой взгляд, — задача не реализуемая.

В XX веке возникли империи, которые, так или иначе, ориентировались на массовую мобилизацию, у которой было два вида. В советской империи

преобладала враждебность социальная, а в третьем рейхе — этническая. И даже в советской империи были этнические аспекты, а нацистов — социальная демагогия. Сегодня остался единственный фактор мобилизации — это фактор этнический. Поэтому я не верю в возможность неэтнических империй.

У россиян сегодня преобладает традиционное имперское сознание. По социологическим опросам, люди верят только трем субъектам: президенту, но в личном качестве как правителю, а также армии и церкви. Такое сознание характерно для этнического большинства. А у этнических меньшинств накапливается возрастающее недоверие. Я проводил исследования по поводу того, как вертикаль власти приводит к этнизации этой самой власти. По мере того, как власть с мест перемещается все больше в центр, все больше недовольства перемещается с местного властителя на самый высокий уровень. Во многих районах, особенно этнических народностей, говорят: «нам не дают денег на строительство, это русская власть, это сознательно делается, чтобы нас ущемить!».

И вот что существенно. Вертикализация власти исходно не имела под собой никакой этнической нагрузки. А результат получается обратный. Если раньше основные упреки обращались чисто к политическим силам, то сегодня эти политические силы не просто чужие, они еще этнически чужие.

Основная цель, главная доктрина сегодняшней власти — это укрепление целостности и порядка. Единственные реформы, которые делались — это реформы административно-территориального управления, которые по мысли начальства и должны укрепить целостность. Я не буду говорить о чисто экономической стороне этого дела. И даже о том, что централизация не создает возможности для развития межрегиональных связей. В этническом плане это тот фактор, который включает эффект этнического маятника. Усиливается русская мобилизация, причем она является неизбежной частью этого проекта. Прежде всего, это идея опоры на русское большинство как на тот оплот, с помощью которого можно мобилизовать общество. Считалось, например, что война в Чечне сплотит русское большинство. Ничего похожего не наблюдается. Ксенофобия растет, но она не превращается в мобилизующий лозунг. При росте античеченских настроений, консолидации людей по поводу поддержки политики власти в этой области не происходит.

— Мы подошли к дезинтеграционным тенденциям в современной России.

— Всегда есть какой-то уровень интеграции. Общая интеграционная тенденция в рамках государства — то, что называлось угрозой сепаратизма, развивалась волнами. В начале девяностых годов сильнейшее влияние оказывала инерция распада СССР. Угроза того, что Россия повторит судьбу СССР, воспринималась и в массовом сознании, и публицистами и даже научным сообществом как весьма реальная. И она таковой и была на самом деле.

К середине девяностых годов этот уровень дезинтеграции был пройден. По многим причинам. Отчасти это заслуга Ельцина, его готовность идти на уступки. Предъявляемый ему в качестве упрека лозунг: «берите суверенитета, сколько сможете переварить» — появился не до начала парада суверенитетов, а после. И после сказанного уровень дезинтеграции отнюдь не воз-

рос, а наоборот, готовность к компромиссам снизила уровень подозрительности со стороны этнических элит. К концу 1993 – началу 1994 года был период наибольшей интегрированности государства: практически ушли с политической сцены все национальные движения. Не только на федеральном уровне, но даже на уровне местных выборов, те политические силы, которые еще недавно почитались как весьма влиятельные, потеряли свои позиции. Никаких реальных проявлений сплоченного политического сепаратизма за пределами Чечни в то время не было. Бывшая партийная номенклатура, которая использовала националистические лозунги для самосохранения, свою задачу выполнила. Она расставила на всех местах своих людей.

Политика Ельцина представляла собой систему уступок не только национальным, но и региональным лидерам. И в этой политике было много позитивного, в частности, я считаю, что нужно возратить более разумное распределение бюджета, чем сейчас. Тот федерализм, который сложился при Ельцине, был доморощенным, был весьма кустарным, требовал совершенствования, но он основывался на идее общественного договора, на идее распределения полномочий не по принципу «сверху вниз», а «одни – вам, другие – нам». В нем наблюдались основные черты классического федерализма, который требовалось лишь узаконить, кодифицировать. Но вместо этого пришла идея, противоположная федерализму, идея по сути дела имперская – вертикали власти. Сегодня мы у порога тех событий, которые явятся следствием осуществления этой эта доктрины. Она во все времена, рано или поздно, вызывала жесткое сопротивление региональных этнических групп, особенно территориально консолидированных и сплоченных, и та угроза, которая казалась крайне малозначительной в середине девяностых годов, сегодня представляется иной.

А иногда происходит нечто совсем странное. На последних башкирских выборах, казалось бы, все было решено. С помощью простого, достаточно мощного ресурса, к власти пришел бы лояльный, русский, «завязанный» на Москву человек. Не представитель титульной национальности. Однако зачем-то понадобился прежний лидер. Мне трудно понять резоны власти.

Есть и прямо противоположные примеры. Никто не опасается той самой исторической памяти, которая имеет странное свойство драматизировать то, что произошло в прошлом. Например, тот, кто назначил в Совет Федерации от Тувы Нарусову и Пугачева, точно не имел желания задеть национальную гордость тувинского народа. Но вполне возможно, что со временем это административное решение, с какими-то конкретными, прагматическими целями будет интерпретироваться как национальное унижение. Примеров тому в нашей недавней истории не мало.

Я был в Таджикистане, где строился золоторудный комбинат. Инженеры, для того чтобы не рыть новых котлованов для производственных отходов, выбрали котлован естественный. Но, оказалось, что тот находится над единственным узбекским селением в этом таджикском сельсовете. И можете себе представить, какие легенды потом складывались у населения этого кишлака по поводу этого строительства. У них было глубокое убеждение, что это сделано специально в расчете на то, что селевые потоки смогут радикально

решить этническую проблему в масштабе сельсовета. Это просто модель того, как действует массовое сознание, особенно, если его подогреть.

— Вернемся, однако, к истории современного российского федерализма. Помнится, в конце девяностых годов Елена Мизулина первой заговорила об опасности параллельного правового режима в Федерации — конституционного и договорного. После 2000 года денонсация договоров о разделе полномочий меж субъектами Федерации и центром стала одной из основных задач возлагавшихся, в частности, на полпредов президента. На встречах с прессой Сергей Кириенко, например, называл своим достижением успех на переговорах с Татарстаном и Башкортостаном. И тем не менее, с Чечней этот договор вновь был подписан. Что вы скажете об этом?

— Кириенко — образец либерального дегуманизированного бюрократа, который, строго говоря, и представляет всю когорту перестройщиков. Большую ее часть. Они были вне гуманитарной сферы.

О договорах. История повторяется, потому что договора начинались с Чечни. Я в этом деле участвовал и тогда очень тесно сотрудничал с Шахраем, который был отцом концепции двусторонних соглашений, договоров, и так далее. Идея распространения этой чрезвычайной нормы на другие регионы возникла исключительно из соображений универсальности, чтобы не было каких-то особых зон. От договоров никакого ущерба государству не было. Есть много примеров того, как после договоров степень зависимости субъекта Федерации возрастала, а не уменьшалась. С точки зрения нормального федеративного процесса это отнюдь не есть преступление, поскольку классики федерализма говорят, что федерализм — это не столько закон, сколько постоянный диалог. Раз мы распределили полномочия и в то же время пытаемся сохранить целостность, то всегда есть простор для диалога. Власти между собой договариваются, и все прописать в законе невозможно.

Другое дело, что центральный механизм не был оборудован. Федерализм определяет единство правового пространства не тем, что низшие приводят свое законодательство к высшим, а соответствием и федеральных, и местных законов Конституции. Опыт конституционного суда в Испании после того, как были установлены первые автономии, показал, что первоначально Суд чаще признавал центральную власть в качестве нарушителя конституцию, чем региональные. Хотя и те, и другие нарушали Основной закон. И система договоров, при которой исполнительные власти о чем-то договариваются, это нормальная практика, она естественна. Для такого государства, как наше, — неизбежна, потому что оно не просто самое большое по территории в мире, — таких перепадов культурных типов, какие существуют в России, ни в одном другом государстве больше нет. А в силу этого будет всегда необходимость форм решения вопросов не посредством обращения к нормативным актам, а на основе каких-то соглашений. Разумеется, все это должно делаться в рамках общего правового поля. Но это уже технология.

Те самые договоры в свое время сыграли важную терапевтическую роль, они снимали накал противоречий, и абсолютно не несли в себе долгосрочных дезинтеграционных последствий, я в этом уверен.

— А что сейчас является дезинтеграционными факторами?

– Главный фактор – это централизация, которая все более раскачивает этнополитический маятник. Второе – это отсутствие стратегической политики. Наша политика всегда была реактивной. Когда основным субъектом этнополитической активности выступали меньшинства, их голос был слышен, Сегодня, когда слышен в основном голос русских, мы видим закон о русском народе. Вот это шараханье власти, ответы на конъюнктурные вызовы без общей стратегии конечно же, фактор чрезвычайно опасный.

Но есть и тот аспект, о котором мы еще не говорили. После парада суверенитетов наблюдался процесс этнической концентрации и этнического размежевания в масштабах регионов. Татарстан становился более татарским, Тува – более тувинской, русские регионы были русскими, и так далее. А сейчас этот процесс затормозился, но произошла эта территориальная концентрация на микроуровне. Между тем, подобные кварталы во всем мире, и тут Россия – не исключение, являются центрами концентрации и протестной активности, и новой традиционализации. Эти кварталы уже сейчас являются объектом ненависти. Я только что приехал из Екатеринбурга, где объектом ненависти изначально были зоны концентрации цыганского населения, а сегодня на их месте – таджики. Помимо Екатеринбурга я побывал в Самаре, Волгограде, Ростове, там эта проблема сильна.

Когда я говорю о дезинтеграции, то пока что еще не могу сказать о ней как об идее сепаратизма. За пределами Чечни как не было, так и нет, по крайней мере, сегодня организованных сил, выступающих за сепаратизм.

Сегодня – время накоплений сил и формирования каких-то этнополитических или этноконфессионально-политических движений, которые, возможно, при сохранении этой политики, будут играть роль в перспективе. Что происходит? Между двумя периодами, ельцинским и путинским, меж периодом революции и периодом стабилизации не только изменился основной субъект активности, но и изменились формы проявления этой активности. В качестве основной опасности сегодня выступает не открытый сепаратизм, а скрытые его формы, типа террористической деятельности, а также развитие экстремистских этнонационалистических организаций разного типа. Например, в девяностые годы скинхедов было несколько человек в Москве и Петербурге. А сегодня, по оценкам МВД, это свыше 30 тысяч сгруппированных в более чем 200 различных организаций людей. При этом происходит процесс консолидации: политические силы подгребают мелкие организации под себя. Растет их численность.

С другой стороны, попытки мобилизовать этническое большинство и те механизмы, с помощью которых это делается, приводят к обратному результату. Высокий уровень подозрительности не остается без внимания этнических антрепренеров, которые работают не только с русским большинством, но и с этническими меньшинствами и, что сегодня особенно важно, с религиозными меньшинствами. Ибо единственное, что объединяет таджиков, азербайджанцев, узбеков, и других не любимых в большом количестве городов этнических групп, так это то, что они – мусульмане. Одна из наиболее серьезных – фундаменталистские исламские движения, которые пытаются объединить представителей разных этнических групп и даже разных течений внутри ислама.

Но и традиционный сепаратизм тоже оживает. Пусть еще он не очень силен, но он обретает смысл жизни. Многие из лидеров национальных движений, которые после периода стабилизации середины девяностых годов меняли профессию, возвращались к занятиям социологией, преподаванию, сегодня вновь почувствовали, что есть враг, против которого можно ополчиться, можно вернуть те политические позиции, которые были утрачены. Например, в Татарстане радикальные националистические силы были совершенно незаметны. Но одно только принятие закона о кириллице резко усилило их активность. Начали проявляться движения, связанные с борьбой против усиления роли православной церкви. И даже были эксцессы в связи с этим, и судебные процессы, и сплочение интеллигенции по этому поводу.

То есть практически все виды угроз, какие были, реанимируются, пока они еще слабее, чем были в начале девяностых, но потенциал у них есть. Возникают новые, которых не было, объединенные исламско-фундаменталистские движения, которые пытаются не размежевать людей по этническому признаку, а объединить разные этнические группы, по крайней мере, в пределах своей религиозной, конфессиональной базы. Они, скорее всего, и будут выступать в качестве главных субъектов различных форм дезинтеграционных процессов.

Сегодня с точки зрения формирования некоей стратегии противодействия угрозам во власти дела обстоят хуже, чем когда бы то ни было. Потому что власть минимально интересуется этой проблематикой, как таковой. Сегодня установка такая: не говори о проблеме — не будет проблемы.

Что касается экспертного сообщества, то та его часть, что занимается этой проблематикой систематически, очень мала. Не обнадеживает и то обстоятельство, что временами, как это мы видели после гибели Кадырова, к этой теме подключается практически все экспертное сообщество: и те, кто занимается рыбным хозяйством, и те, кто занимается кремлевской подкованной игрой.

Что касается действительных специалистов, то в сообществе существует представление, очень соответствующее позиции власти: побольше помалкивать. Есть даже теоретическое оправдание такой позиции. Оказывается, все проблемы от того и возникают, что их кто-то озвучивает. То есть сегодня преобладает группа, которая полагает, что объективные причины не существенны и главное — чтобы пресса об этом не говорила. Поскольку такое мнение доминирует, то это еще больше укрепляет власть в том, что ее позиция правильная. Хотя опыт многих стран, в которых нарастали проблемы, похожие на наши, например, Америка в борьбе с расизмом, показывает, что без перестройки информационной системы на открытое конструирование новых взглядов в сфере межэтнических или межрасовых отношений, проблема не сдвинется с места.

— Что может послужить толчком для кризиса?

— Мы живем в условиях затянувшегося экономического лета. Вдруг так случилось, что долгое время никакой зимы нет, цены на нефть растут. Это лето не только не стимулирует модернизации экономики, оно еще в меньшей мере стимулирует разработку какой-либо национальной политики. Сде-

лаем вид, что хорошо. И у нас есть конкретная модель возможного будущего — это Чечня, которая в гипертрофированном виде показывает, как оно есть и как оно будет. Это полный слепок современного российского общества. Общество российское отчуждено от власти, чеченское — в сто раз больше. Общество демонстрирует идею подданничества — по отношению к Чечне ставка сделана на то, что всё стерпят. Назначим им такого, назначим им другого. А у них нарастает та самая озлобленность, о которой я говорил.

— Мы видим, что губернаторов сейчас меняют с помощью прокуратуры. Возможно ли силовая модель смены лидеров в республиках? Я не говорю о Чечне или Ингушетии.

— Нынешняя элитарная игра, нынешняя политика сводится к тому, чтобы уйти от гражданского общества, закрыть всем рот. Забыть о существовании тех групп, которые будут создавать напор движения.

Главное, что нужно и в Чечне, и в Башкирии, и в Туве — это создать внутреннюю политическую среду, которая сама каким-то образом будет приспосабливаться к изменяющимся условиям. Если этой среды нет, а есть подданные, к которым назначат какого-нибудь Штырова, Зязикова, Кадырова и так далее, то они будут ставить палки в колеса, они будут отвинчивать лампочки, они будут ломать эту машину. В Чечне всякий вновь назначенный будет стоять перед угрозой получить фугас. А в других республиках, в ближайшее время, такого фугаса, скорее всего, не будет. Вместо этого будет усиливаться политическое отчуждение населения, которое к нынешним политическим играм безразлично. Но это обманчивое затишье. Случись какой-нибудь кризис, и сразу могут воодушевиться старые или появиться новые харизматические лидеры (их называют в науке «этнические антрепренеры»), которые умеют превращать прошлые обиды (реальные или даже мнимые) в забористые сепаратистские лозунги, воодушевляющие народ на этнонациональное самоопределение.

Андрей Василевский, главный редактор журнала «Новый мир»: «Через некоторое время слово «националист» перестанет быть одиозным»

— Начнем с гражданской нации...

— Среди прочитанного за последнее время меня особенно заинтересовали «Тезисы по российской национальной политике», разработанные Институтом политического и военного анализа. В предисловии Сергея Маркедонова отмечается, что данные предложения позволяют в конституционных рамках, без чрезвычайщины и — цитирую — «без включения жестких репрессивных механизмов» реализовать проект по формированию *российской гражданской политической нации*. Мне это место запомнилось потому, что само построение фразы подразумевает хотя бы воображаемую возможность сформировать эту самую гражданскую нацию и через «жесткие репрессивные механизмы».

Бывает, люди горячо спорят о частных проблемах, а на самом деле у них просто в голове разные картины мира. В рамках одного мировоззрения гражданская нация является чем-то совершенно естественным, логичным, необходимым. И никакой позитивной альтернативы ей нет. Мол, коль ско-

ро у нас есть новая, «третья», Россия, в ней должна формироваться и новая нация. А в рамках другой картины мира само выражение «гражданская нация» выглядит интеллектуальным недоразумением. Об этом когда-то убедительно писал Михаил Ремизов в «Русском журнале» — о своеобразной тавтологии, порочном круге: мы определяем нацию по гражданству, гражданство по наличию государства и его границ, а кто же конституировал это государство? По конституции — его граждане. А граждане откуда? То есть это может выглядеть и достаточно юмористически.

Упомянутый мной Сергей Маркедонов настаивает на том, что без преодоления «культы крови» мы будем обречены на постоянное деление на своих и чужих. (Но, по крайней мере у 80% граждан РФ никакого «культы крови» не наблюдается...). Проблема в том, что единственный способ существовать, *быть* — это как раз делить мир на своих и чужих. Это не имеет никакого отношения к толерантности, политкорректности. Если ты *есть*, то для тебя есть и свои, и чужие. В данном случае, если мы формируем гражданскую нацию, то от чужих ее отделяет государственная граница Российской Федерации. Таким образом, сразу отсекаются те части русского народа, которые в силу известных обстоятельств тринадцать лет назад оказались «за границей». С другой стороны, своими оказывается та часть населения РФ, которая сама совершенно справедливо говорит: «Мы не просто граждане РФ татарской национальности, мы — татарский народ». Или: «Мы не просто граждане РФ якутской национальности, мы — якутский народ».

И тут мы в очередной раз упираемся в одно из основных противоречий нынешней Конституции, оно состоит в следующем: кто живет в России? Граждане разных национальностей, объединенные, как в преамбуле написано, в *одни* многонациональный народ России, или в России живут народы России? Сложность в том, что Россия является одновременно государством и мононациональным (русских — восемьдесят процентов), и в то же время многонациональным. Но многонациональным не потому, что у нас живут люди множества национальностей (в Германии много турок и курдов, но мы не назовем Германию многонациональным государством). Проблема в том, что у нас действительно живут *народы*. Например, татары — не просто татары, не просто граждане РФ татарской национальности, но и представители татарского народа, который только здесь — в пределах России — и может существовать как некая целостность. То же самое относится и к якутам, башкирам, ингушам и так далее. И они никогда психологически не согласятся с тем, что их народов нет, что они — просто члены российской гражданской нации. Это очевидно.

Возникает естественный вопрос: а кому тогда обращен этот тезис о гражданской нации? К тем, кто по переписи назвали себя русскими. То есть ингуши по-прежнему будут считать, что они — ингушский народ, татары — что они татарский народ, а вот русские должны считать, что они — гражданская нация. Так?

— Отслеживаются ли эти коллизии в вашей сфере деятельности, то есть в литературе, в словесности?

— Литератор, пишущий на башкирском, естественно осознает себя представителем именно башкирской литературы. А башкир, пишущий на

русском? Тут уже возможны два варианта. Один такой башкир может идентифицировать себя как представителя литературы башкирской, а другой — соотносить себя с литературой русской.

— А вот такой вопрос. В Советском Союзе для писателя, работавшего в национальной республике, принципиально было признание в Москве. Или, как у Геннадия Айги, сначала в Париже, а потом в Москве. Что сейчас?

— Мне кажется, что сегодня для национального (не русского) писателя, конечно, приятно было бы напечататься в Москве, но это не является необходимым элементом его социализации. Татарский писатель сегодня найдет поддержку в Казани, но вряд ли — в Москве. Когда Михаил Швыдкой был министром культуры и мы говорили о поддержке журналов, я заметил, что если есть журнал, за существование которого государство должно взять ответственность на себя, то это — «Дружба народов». Надо поощрять, стимулировать московских переводчиков и издателей заниматься национальными литературами (рыночные механизмы этих стимулов не дают). Я думаю, что сейчас у нас в отношении литературы вообще нет никакой государственной политики. Ни хорошей, ни плохой.

— Русские и россияне — как это соотносится?

— Несовпадение русского и российского я знаю по себе, по своему собственному самоощущению. Слово «россиянин» меня не устраивает даже эстетически. Если спросить меня, кто я такой, применительно к обсуждаемой проблеме, то я могу дать только такую — двухчастную — формулу: я гражданин Российской Федерации, по национальности — русский. Эти две сферы — национально-государственная, к которой я принадлежу по праву гражданства, культурно-этническая — они частично совпадают, но полностью друг друга не перекрывают. Россия — моя страна не только потому, что я здесь родился, потому, что я ее гражданин, но и потому, что здесь живет мой народ. По признаку гражданства для меня все мои *со*-граждане свои, а все остальные — *ино*-странцы. По этническому признаку для меня русские, живущие в странах СНГ, — свои, а, скажем, ингуш или якут — это представители *другого* народа (и они мне могут быть очень интересны именно потому, что другие).

— Существует ли потребность в культурной, прежде всего, языковой, интеграции русских?

— Я думаю, что с момента распада Союза прошло еще слишком мало исторического времени, чтобы разделенность русского мира по государственным границам серьезно отразилась на языке литературы. То есть русские на Украине, русские в Прибалтике, русские в России, пока еще пишут книги на одном языке, это один русский язык. Но не исключено, что в каждой из стран будут происходить с русским языком какие-то свои процессы, и возникнет, например, язык русских, живущих в Казахстане. При этом можно заметить, что люди, живущие за границами России и пишущие на русском языке, пока еще заинтересованы в том, чтобы их в России признавали своими. Им пока хочется быть частью общей литературы. Но будет ли так всегда? Не знаю.

— **А есть единый читатель?**

— Единого читателя вообще нет — ни в каких смыслах. Читатель очень разделен. И в жанровом отношении, и в социальном. Когда-то даже слова «читатель» и «подписчик», «читатель» и «покупатель книг» были синонимами. Сегодня это все разделилось.

— **Так языковой фактор есть фактор интеграционный или дезинтеграционный?**

— Я думаю, что значение языкового фактора не надо преувеличивать. То есть владение русским языком как родным само по себе еще не определяет национальной идентичности человека. Часто в ответ на претензию, что русский народ в России не является юридически существующим, конституционно оформленным, говорят, что в той же Конституции написано, что государственный язык русский. Это важно, но это не аргумент. Он может быть государственным языком для людей, которые не являются, не считают себя русскими.

— **А что вы скажете о русской республике в составе Российской Федерации?**

— Я думаю, что русская республика — это абсолютно тупиковая идея. Существует ли в России русский вопрос? Да. И субъективно, то есть, если множество русских людей считают, что он существует, то он — тем самым — уже существует. И объективно — тоже. С точки зрения действующей Конституции, Российскую Федерацию учредил многонациональный российский народ, то есть русский народ оказывается юридически безгосударственным. Кроме того, русский народ — разделенный и катастрофически уменьшающийся. Это объективно, без эмоций. Есть ли у русского вопроса простое («инженерное») решение? Я думаю, что нет. Это проблема, с которой нам придется жить. И нужно открыто, публично — на государственном уровне — признать ее существование.

Пойдем ли мы по пути строительства «гражданской нации» (логически исключающей существование национально-территориальных образований) или по пути признания того, что в России живут народы России (русский, татарский, чеченский...) — оба пути в себе несут потенциал дезинтеграции. Потому что, если мы идем по пути гражданской нации, то к кому это обращено? Кого мы будем убеждать? Ингуша, мол, ты — не часть ингушского народа, а просто гражданин России, россиянин? Казанского татарина — мол, никакой республики Татарстан быть не должно, потому что у нас теперь гражданская нация и один многонациональный народ? Понятно, что здесь особого взаимопонимания быть не может. Со стороны кого была самая болезненная реакция, когда отменили пятый пункт в паспорте?

— **Со стороны руководства Татарстана, умолявшего оставить вкладыш для татар, живущих в Башкирии.**

— Да, это один пример, но есть и другие. Если представить себе авторитарное внедрение и оформление гражданской нации, то это наткнется на, мягко говоря, непонимание со стороны национальных меньшинств, и это

будет иметь как раз дезинтеграционные последствия. С другой стороны, если мы признаем, что в России живут народы России, которые учреждают Федерацию, то опять-таки, здесь масса опасностей. Это проблема, у которой нет безусловно положительного, ясного решения.

– Перейдем к вопросу о субъектах и способах воздействия на процессы этнической идентификации.

– Я думаю, если речь идет о центральной власти, то сама идея гражданской нации привлекательна с точки зрения управляемости страны. А на уровне субъектов Федерации... Ну, есть разная дезинтеграция. Например, Грузия – есть Аджария и Абхазия. В Абхазии конфликт развивается по принципу: мы – абхазы, а вы – грузины, у нас свое государство, мы абсолютно независимы, мы сами по себе. Я думаю, что опасности такой дезинтеграции пока в России нет. (Даже если помнить о Чечне). А вот аджарский вариант, когда о своем независимом государстве никто не говорит, потому что оно и не выгодно и не нужно, а речь идет о каком-то феодальном анклаве внутри большого государства, то, конечно, соблазн этот всегда есть.

Что касается необходимого государственного принуждения, безусловно, для того, чтобы Россия существовала как государство, потенциальная возможность силового принуждения к единству страны должна быть. Должно само собой подразумеваться, что государство (просто потому, что оно – государство) не позволит никакой территории, никакому этносу играть в сепаратизм. Причем этнический момент тут роли не играет. Если русский губернатор во Владивостоке задумает провозгласить независимую русскую Тихоокеанскую республику, это должно вызывать такую же абсолютно жесткую реакцию, как Чечня (тем более, что отколовшийся кусок тут же сожрут соседи). Это не национальный вопрос. Государство обязано держать территорию. Государство должно быть государством.

И еще. Я думаю, что, если экстраполировать в будущее те процессы, которые сейчас идут, то, через некоторое время слово «националист» перестанет быть одиозным. Сейчас этот процесс уже идет. Если ничего не произойдет чрезвычайного и глупостей никто не наделает, то возникнет нормальный «системный» национализм.

Возможности роста национального русского экстремизма весьма ограничены. Количество, условно говоря, «скинхедов» может вырасти на сколько-то процентов, но ненамного. По самым разным причинам. Одни люди вписаны уже в реальность, и они могут быть не очень удовлетворены, но они чувствуют себя частью новой жизни и они хотели бы уже себя реализовать в этой новой жизни. Другие люди настолько угнетены бедностью и тяготами жизни, что у них просто нет ни психологических, ни физических ресурсов для чего-то выходящего за борьбу ежедневного существования. Поскольку все демографические прогнозы весьма печальны, процент молодых в обществе расти не будет, и поэтому ресурс молодежного радикализма демографически ограничен.

У Константина Крылова, кажется, в сетевом дневнике промелькнула мысль о разных национализмах на примере китайского ресторана в Москве. Пересказываю по памяти. Реакция одного националиста: почему китайский

ресторан вместо блинов и прочего? А реакция другого: как жаль, что большинство русских людей не могут себе позволить есть в китайском ресторане вкусную китайскую еду. Я думаю, что национализм «насчет блинов» ресурсов в России не имеет. А сдвиг национализма налево — в социальную сферу, вот здесь что-то такое закручивается.

Вячеслав Глазычев, научный руководитель Центра стратегических разработок Приволжского федерального округа: «Чаще всего идет обсуждение вопросов химерических, вопросов мнимых»

— Я не понимаю, что такое гражданское общество, потому что другого общества не бывает.

— **А гражданская нация?**

— Для этого надо понимать, что такое гражданская нация. Тут ведь и путаница лингвистическая, потому что во всем нормальном мире «nation» — это и есть государство.

А гражданского общества нету, хотя шансы ему возникнуть есть. Почему я говорю, что общества нет? Потому что его не было всю советскую эпоху. Ведь, скажем, огромное земское движение было сознательно истреблено. Огромное краеведческое движение было просто расстреляно целиком. Единственное, что допускалось, это формы квазигосударственных конструкций, цеховых, напоминающие муссолиньевские корпорации, но только без наличия городской традиции. Так называемые творческие союзы или общества были единственными. Они допускали некоторую клубную достройку.

Во всем остальном это существовало на уровне двора. Некая дворовая самоорганизация бытия являлась ячейкой общества, в которой был свой вор, свой дядя Вася, делающий табуретки, свое распределение социальной педагогики в системе информирования родителей о неблагоприятном поведении детей. И такие квазимолекулы удерживались до хрущевской реконструкции, которая стерла и это.

Плюс нарастали элементы общества, вроде черных касс. На самом деле, это общество взаимного кредита только не оформленное. Или наличие системы занятия очереди в магазине, когда что-то «выкидывали» в магазине, и сложная система организации взаимных дежурств — вот все, что у нас было от общества. Ничего другого не обнаруживается.

Я нахожу потенциальные ядра в экспертных сообществах или потенциальных экспертных сообществах. Я вижу два реальных ростка, вокруг которых может формироваться нечто, называемое обществом. Первое — это линия аузановская, вокруг Союза потребителей, но она тоже мгновенно наращивает экспертную надстройку, и без этой надстройки не дееспособна. Вторая — более широкий круг, который можно называть экспертным сообществом.

— **А какое место в общественной самоорганизации занимает этническая идентичность? И каков дезинтеграционный потенциал в нынешней России?**

— Если мы говорим об этноконфессиональных образованиях за пределами русского этноса, то, насколько можно судить и по материалам более или менее вменяемых исследователей и по моим наблюдениям — экспедиционным, семинарским — новая тамошняя интеллигенция интенсивно продвигает сюжетик об этнической идентичности. До сих пор трудно это получается. В ряде случаев это осложнено чрезвычайной малоупотребимостью национального языка, однако это движение набирает обороты. Можно уже говорить о становлении новых идентичностей: татарской, башкирской, чувашской, каждая из которых отливается в совершенно разные конструкции. Чувашская откровенно двуязычна, не потому что это насаживается «сверху», а так и есть на самом деле. В Мордовии это не происходит: по-прежнему две языковых группы мордвы только на русском договариваются, и поэтому с их идентичностью там гораздо сложнее дело обстоит. А, скажем, в Удмуртии такой тренд пока вяло воспринимается на обыденно-бытовом уровне.

Если посмотреть структуру защищаемых диссертаций в Казанском государственном университете вы получите очень любопытную картину. Число работ на тему «Татарстан — родина слонов», превышает всякие мыслимые границы, за этим прослеживается тренд, это же не спонтанное явление. Значит, заведена машина воспроизводства преподавателей для средних школ, значит, через пятнадцать-двадцать лет это даст результаты.

Небольшие группы локальных интеллигентов, которые начинают активную политику доместикации и влиятельны, они составляют часть экспертного сообщества к которому прислушивается местная власть. Но если вы из Казани или Набережных Челнов выйдете в какой-нибудь район, на вас будут смотреть дикими глазами, потому что тамошним жителям в голову никогда не приходило об этом всерьез задумываться.

Самое главное, что до сих пор, хотя статья о культурных автономиях существует в Конституции, ни одного шага, в поддержку этого процесса власть не сделала. В этом отношении она препятствует интеграции.

Если говорить о русской идентичности, то она по-прежнему имперская, она же советская. И эта фантомная действительность оказывается мощнее действительности реальной.

— То есть это фантом суперэтноса?

— Фантом суперэтноса, имеющего имперскую форму. И он по-прежнему могуч. Он довлеет над сознанием даже молоденьких людей, которым по двадцать лет, и они уже имеют представление о некоторой России — Советском Союзе.

— А у экстремизма есть шансы?

— Да, конечно, экстремизм существует, но пока очень маргинальный. Может ли он разрастись, не знаю, пока оснований для этого я не вижу, но это не означает, что он не может разрастись. Многое зависит здесь от разумности политики, когда государство, увидит что люди живут в городах, и поймут проблему города и городской культуры, этого плавильного котла, шанс для экстремизма сокращается. Ведь до анекдота дело доходит: В Удмуртии, с которой я сейчас работаю, существует историческая традиция деревенской культуры.

Но городской культуры удмуртской не было, попытки пока ее выстроить не дали никакого результата, становясь городской, она становится русской.

– **Как, по вашим наблюдениям, соотносятся понятия «русский» и «российский»?**

– Только если «российский» равно «русский», хотя бы в культурном смысле, в смысле культурной идентификации, в смысле идентификации по языковому пространству, то у него есть просто шанс на существование. Попытку отделить одно от другого я бы считал не плодотворной, в любом случае, и проигрышной для русского-российского в весьма близкой исторической перспективе.

– **Каковы общественные интеграционные механизмы?**

– Когда мы начинаем обсуждать реальные проблемы бытия в городе, в сложном межпрофессиональном кругу возникает нечто типа консенсуса по поводу правильно выбранных точек или правильно выбранных проблем. Скажем, мы в Ижевске вместе с людьми вытаскиваем тему скуки как главную. Не бедность оказывается ключевой проблемой у ижевской молодежи, у молодежи вообще нет проблемы бедности, так как у нее еще есть оптимизм. Проблема скуки оказывается обобщающей для всех возрастных слоев, только скука у них разная. Когда хотя бы это начинается обсуждаться, когда в результате дискуссий уже без моего участия, складывается нечто, что называется «Ижевский экспертный клуб», сделан крошечный шагочек, но он сделан.

Но когда я обхожу университеты один за другим, и в каждом задаю вопрос после публичной лекции: является ли университет точкой роста общества, то везде получаю ответ – нет.

Между тем, с моей точки зрения, университетские города являются единственным кристаллом, на котором общество может нарастать, и я других пока не вижу если не считать потенциального сложения бизнес-сообщества, но до него еще как до Луны, в лучшем случае есть договорные конструкции для решения каких то проблем с властью. Когда они смогут сложиться хотя бы в каких то точках, мы получим другое качество. Это работа возможная, тем более что начинаем их связывать между собой, интернет слава Богу работает, но в нем без навигатора ничего не сделаешь. Выработать власть этот навигатор не может по определению, выработать его может только экспертное сообщество.

– **Во всей нашей беседе вы возвращаетесь к экспертному сообществу. Значит ли это, что вы считаете его главной интегрирующей силой?**

– Теоретически может, а практически пока нет. Потому что вне Москвы влияние центральных СМИ минимально. На уровне локальном медиа тоже не выполняют интеграционную функцию. Теоретически этому процессу очень можно было помочь, но это старые идеи, нам нужно ОРТ в буквальном смысле – именно общественное телевидение.

– **Существует ли государственная политика интеграции России?**

– Пока что она на нуле по одной простой причине. Говорить об интеграции можно только в том случае с государственной, управленческой точки

зрения, если власть начинает видеть территорию страны вместе с ее населением как единство, а не как совокупность так называемых регионов. У нас все — от статистики до так называемых федеральных целевых программ — отстроено на представлениях о регионах. Это и есть дезинтеграция. Потому что интегрирующая программа есть стержень, действительно связывающий места, где живут и работают люди, с государственной рамкой. Но при этом вводится промежуточная рамка. Это главный элемент дезинтеграции, по существу, не политической.

Если говорить в экологическом смысле, есть бассейны рек, они плывать хотели на границы. Когда вы говорите о проблеме высшего образования, вы говорите о целостности страны, в которой есть узлы — университетские города, а не регионы, не субъекты Федерации.

— Тогда вопрос о будущем. Как вы оцениваете перспективы реформы местного самоуправления?

— Это вопрос не из простых. Во-первых, уже в новой версии принят закон о самоуправлении, который только с 2006 года должен входить в жизнь. Он может привести в движение чрезвычайно сложные процессы, так как открывает возможность реконструкции страны на молекулярном уровне. Вводится понятие «муниципальный район», причем в законе ни звука нет об административном районе, который существует до сих пор. Это потенциально может быть деструктивным, может быть конструктивным. Если подойти конструктивно, то это новшество может механические границы перевести в органические.

Это потенциально сильный инструмент, который позволяет изменить картину не только на сельских территориях, но и в городах, где до сих пор существует странная советская схема районов, выстраивающихся вообще в логике КПСС. Что касается слияния-разливания, то есть гораздо более сложные рисунки. Ну, скажем, знаменитые Севера. Влить автономный округ в область — оно как бы соблазнительно с управленческой точки зрения. Но есть, скажем, канадская модель, которая на мой взгляд гораздо больше подходит к нашим условиям. Она сводится к тому, что северные территории находятся в прямом федеральном управлении, никаких округов и субъектов там не существует, но выстраивается контрактная, договорная система между федеральной властью, муниципалитетами, малыми народами и бизнесом.

Есть регионы, у которых никакого смысла существовать, кроме инерции, нет. Фактически они растаскиваются соседями, более сильными функционально. Ульяновская область — прекрасный пример, и не единственный. Вполне очевидно, что Петербург охватывает сейчас гораздо более широкий круг территорий, нежели Ленинградская область. Может быть, требуется введение дополнительной рамки. В свое время Никита Сергеевич пробовал это сделать. Логика у совнархозов была, она восходит к работам еще комиссии Вернадского. Это не округа федеральные, потому что те нарезаны под одну определенную функциональную задачу и не имеют жизненно-экономического содержания. Это не субъекты Федерации. Вполне возможно, что можно долгое время сохранять и эту учетную рамку, но тогда нужно вводить еще одну, которая бы легализовала реально складывающиеся совнархозы, ре-

ально складывающиеся экономические регионы, во главе которых оказываются Пермь, Самара, Нижний Новгород, Петербург, Новосибирск и Красноярск с Тюменью, Владивосток. Желательно это обсудить спокойно, без страстей и попыток немедленно с кого-нибудь содрать корону или отнять жезл.

Меня по-настоящему беспокоит, что чаще всего идет обсуждение вопросов химерических, вопросов мнимых, по поводу которых можно, как Третьяков, собираться каждую неделю и проводить обсуждение в поле не существующих проблематик. Как разорвать это кольцо, я не знаю, я могу это делать своим собственным телом.

Сергей Маркедонов, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа: «Российская национальная политика – гражданство против “крови”»

Вопрос национальной самоидентификации России является сегодня без преувеличения вопросом выживания для государства, занимающего одну восьмую часть суши. Без успешного ответа на «проклятый вопрос современности» невозможны ни политическая стабильность, ни процветание страны, ни благополучие ее граждан. Можно сколько угодно говорить о поиске более удачной экономической модели, об удвоении ВВП и борьбе с бедностью, о реформе образования или вооруженных сил, но все наши старания в этом направлении окажутся лишены смысла. Сами по себе социально-экономические, политические, управленческие решения, лишённые идейного наполнения, становятся всего лишь бегом на месте или по кругу. Кем является человек с ружьем, даже самый хорошо оплаченный и хорошо обученный, но не знающий какую родину он защищает, и для чего несет тяжкое бремя службы? Не более чем пушечным мясом, рыцарем удачи или обыкновенным бандитом. Кем может быть управленец, не понимающий национальных интересов своего государства? Не более чем поглотителем средств налогоплательщиков. И даже азарт спортсмена, лишённого образа «своей страны», тускнеет и блекнет.

Принадлежность к своей стране, своему государству не просто объединяет тысячи и миллионы людей в некое «воображаемое сообщество». Воображаемое потому, что эти миллионы и тысячи никогда не видели друг друга в глаза, но в своих представлениях объединены общей историей, общими переживаниями, общими болями и радостями, верой в общую перспективу. Или неверием. Не «беловежское сидение» и американский (или жидомасонский) заговор, а массовое разочарование в коммунистической идее и в ее блестящем будущем стало причиной распада СССР и Югославии.

Ощущая себя членом «воображаемого сообщества», человек приобретает смысл, который трудно понять на рациональном уровне. В самом деле, разве можно основываясь только на рассудочной логике понять, почему, имея легальную возможность вести успешную коммерческую или научную деятельность за границей и пользоваться всеми благами современной цивилизации, тысячи наших соотечественников выбирают Россию и готовы пережить с ней и «разгул демократии», и «управляемую демократию» и, даст Бог, ее но-

вый, но уже «всерьез и надолго», разгул? То есть готовность быть «со своим народом там, где он, к несчастью был» или, может быть, к счастью, будет. Мнения тысяч и миллионов членов «воображаемого сообщества», которое для них зовется Россия, существуют, прежде всего, на уровне массовых представлений, чувств и эмоций. Но собрать эти разрозненные голоса, обобщить различные мнения и выразить общую волю на рациональном уровне (через язык законов, правовых актов и практической политики) — задача государства. Национальная политика государства таким образом не просто помогает своим гражданам дать ответы на вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда идем?», но и дает имя самому государству и объясняет исторический и актуальный смысл его существования. Без грамотно построенной и осмысленной национальной политики не понять, что собрало воедино на территории одной восьмой части суши русских и татар, якутов и калмыков, евреев и армян. непонятно, во имя чего нужно беречь и сохранять это единство, а если надо — какую цену за него платить, и если потребуется, то на какие жертвы идти? Ответы на эти вопросы — опознавательные знаки государства. Без них оно не сможет существовать и само для себя, и для окружающего мира.

Зададимся вопросом: есть ли у почти ста пятидесяти миллионов наших сограждан уверенность в том, какие точно опознавательные знаки у Российского государства — выразителя его воли? Какой смысл наше государство вкладывает в свое существование и как это существование оправдывает? Возьму на себя смелость сказать, что даже в головах тех, кому это положено по должности, никакой определенной опознавательной системы не существует. Точнее, их существует несколько. Только образу России как молодого демократического государства, возникшего в результате августовской буржуазной революции, там места не находится. Зато есть три виртуальных, весьма мифологизированных образа. Первый — это образ Советского Союза, с которым его создатели связывают существование Золотого века, когда люди «жили, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная». Что для них современная Россия? Обрубок СССР, ублюдочное государство, которое и защищать-то неприлично.

Но разве не советское государство, разбитое на 15 национальных кварталов, и не советская «справедливая» национальная политика, которая на словах давала неслыханные права всем народам СССР, а на деле подавляла свободу всех без исключения граждан привела не к мифическим, а вполне реальным межэтническим конфликтам и войнам в Карабахе, Абхазии и Приднестровье. И главное — разве не отказ советского руководства от последовательной демократизации страны совместил центробежные силы с мощным антикоммунистическим движением?

Второй миф — это Российская империя, с которой его создатели нам предлагают «восстановить историческую преемственность». Что ж, давайте, будем последовательны и возродим вслед за империей сословность, самодержавие, черту оседлости. А может не будем останавливаться и возьмем за крепостное право? Но разве не архаическое самодержавное устройство Российской империи и в, частности, политика ограничений по национальному признаку, весьма поспособствовали «красной смуте 1917 года» и в конечном итоге гибели самой империи?

Третий миф – это миф «возрождения», обретения «корней», «возвращения к истокам». Его певцами выступали и выступают как деятели этнонационалистических движений в республиках в составе России, так и всевозможных региональных течений (казачество, например). Творцы «возрождений» говорят об особой исключительности своих народов, их особой «древности», а также вводят явочным порядком права этнической собственности на «свою территорию». Тот факт, что с «возрождением» прошлого возрождаются и проблемы прошлого, «возрожденцев», похоже, не слишком тревожит. А мы тем временем становимся свидетелями совсем не мифического возрожденного абречества в Чечне и вообще на Северном Кавказе, возведенного в ранг государственной политики родства и кумовства, ограниченный и стесненный для «несвоего» по крови бизнеса, требований депортировать со «своей земли» чужаков, некоренных, «иностранцев».

Интересно, что творцы всех трех мифов нередко гневно и с пристрастием осуждают друг друга, но все их лозунги при внешнем различии глубинно близки. Для них современная Россия, Российская Федерация как реальность не существует и не представляет интереса. Для них всех категорически неприемлема новая историческая общность, сложившаяся за последнее десятилетие в массовом сознании наших сограждан. Эта общность – российская гражданская политическая нация. Если бы такая общность не начала формироваться на уровне «повседневности», то Россия бы повторила опыт СССР (или Югославии), чего в реальности не произошло. Многочисленные социологические опросы свидетельствуют, что даже наиболее проблемный российский этнос – чеченцы в большинстве своем связывают свое будущее с Российским государством, а значит, готовы быть российскими гражданами. Представить себе подобное поведение абхазов в Грузии или армян в Азербайджане невозможно. Добавим сюда и реэмиграцию в Россию представителей тех этносов, которые не смогли обустроиться на «исторической Родине» (Германия, Греция, Израиль), выбрав в качестве «своей» не землю предков, а нашу страну. И такой выбор в пользу России, а не исторической «крови и почвы» носит отнюдь не единичный характер.

Другой вопрос, что одного «повседневного», почти подсознательного и не до конца осмысленного «воображения» себя как россиянина для формирования российской гражданской нации недостаточно, и государство должно немало сделать для того, чтобы в России окончательно сложилась новая политическая гражданская общность, объединяющая «всяк сущих в ней язык» не на основе «крови».

Проблема выработки общих для всех россиян ценностей, общей идеологии не стала предметом внимания Российского государства. Решение вопросов о власти и собственности вытеснило проблемы межэтнических отношений на периферию. Россия – полиэтничное и поликонфессиональное государство. С этим утверждением согласны все российские общественно-политические силы. Но одной констатации полиэтничного и поликонфессионального характера нашей страны для успешной реализации национальной политики недостаточно. Прекращение дезинтеграции страны, достижение не провозглашаемого, а реального единства правового, политического и социально-экономического пространства станет необратимым лишь в том слу-

чае, если у всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, выработается ощущение принадлежности к России не на основе крови, а на основе общей системы политических и гражданских ценностей. Такой подход вовсе не отрицает этническую принадлежность и не зовет сменить ее на политическую. Как у каждого отдельного человека существуют свои личные интересы, но есть и надличностные, позволяющие человеку выделиться из «царства природы», так и у каждого этноса помимо своих интересов должны присутствовать и надэтнические, объединяющие ценности, ради которых разные этносы готовы считать Москву своей столицей, а триколор своим флагом. И просто жить вместе в одной стране.

Между тем на рубеже двух тысячелетий национальная политика России строилась без учета необходимости выработки общих для всех россиян надэтнических принципов. Напротив, акцент в российской национальной политике был сделан на поддержку (политическую, финансовую, социальную, гуманитарную) различных этнических групп, начиная от русских и заканчивая малыми народами Севера. В результате вместо формирования институтов гражданского общества произошло укоренение «принципа крови» в социально-экономической, общественно-политической практике, кадровой политике российских субъектов. Как следствие, принадлежность к тому или иному этносу рассматривается в качестве приоритетной в сравнении с принадлежностью к России, российскому государству и обществу.

Однако необходимы существенные оговорки. Надэтнический принцип государственности и государственной идеологии — не нов для России. Коммунистическая идеология в течение семи десятилетий выполняла роль надэтнической интегрирующей силы, объединявшей различные этнические образования Союза ССР вокруг идеи верности политическому курсу РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. До 1917 года Российское государство было объединено другой интегрирующей идеей — имперской, православно-монархической. История доказала, что оба обозначенных выше подхода несут в себе сильный деструктивный заряд. Практическая реализация основанных на них интеграционных проектов, во-первых, во многом носила механистический характер, во-вторых, не предоставляла равных стартовых условий для личностной реализации (через ограничения и дискриминацию по этническому принципу), в-третьих, видела в субъектах политики подданных, а не партнеров, в-четвертых, сильно политизировала этнические вопросы (особенно советская модель).

Очевидно, что в новых условиях невозможен возврат ни к монархической, ни к коммунистической идеологии. Новая надэтническая российская идея должна основываться на новых базисных принципах — демократии, гражданственности, российского патриотизма. Те, кто прилагает сегодня отчаянные усилия для дискредитации демократической идеи, должны понимать, что в случае успеха они получают развал ныне существующего российского государства. Формирование российской нации — не просто работа на политическую общность «единый российский народ». Это — процесс формирования гражданской нации, сообщества равных (вне зависимости от «крови») возможностей, а также «общества, овладевшего государством» (тезис К. Дейча).

Выработка надэтнических принципов российской национальной политики – не одноактное действие. Новая национальная политика не может быть провозглашена декретом, для нее потребуется новая концепция, новые как научно-теоретические, так и «технические» подходы, начиная от унификации образовательного пространства (прежде всего в гуманитарной сфере) до изменений в информационной политике государственных СМИ. Сколько, в самом деле, можно печатать учебники, из которых следует, что шумеры и этруски – предки татар, башкир, ингушей и других этнических общностей?

Единственный документ, специально посвященный национальным проблемам в России, – Концепция государственной национальной политики – в силу разных причин пока не смог стать ни догмой, ни руководством к действию. Сразу же после ее принятия в 1996 году Концепция стала предметом споров и дискуссий в сообществе экспертов-политологов. Споры эти продолжаются и сегодня. Однако, что называется, вне исторического контекста. Между тем, очевидно, что данный документ (хорош он или плох и почему – отдельный вопрос) был принят в 1996 году, в ельцинскую эпоху, когда создание российского государства было едва лишь завершено, когда государственное единство РФ обеспечивалось путем прямой или косвенной покупки лояльности региональных элит, когда этнизация политики была вынужденной ценой сохранения целостности России.

Сегодня же Концепция национальной политики нуждается в переоценке, но не конъюнктурном переписывании того или иного пункта в соответствии с новыми веяниями в Кремле и на Старой площади. Она должна учитывать (по крайней мере, не может не учитывать) такие инновации как создание федеральных округов, изменение порядка формирования Совета Федерации, возврат к эпохе «парада суверенитетов» через политику «чеченизации» и разрешение главам российских субъектов избираться на третий срок. Для того, чтобы Концепция не была набором трюизмов и соответствовала бы в большей степени сегодняшнему дню необходимо более детальное осмысление региональных инноваций последних двенадцати лет и существенная ревизия методологических принципов самой концепции.

Формирование новой российской национальной политики будет проходить в условиях общемирового кризиса национального государства, размываемого с двух сторон глобализацией и этнизацией. Для нашей страны появляется уникальная возможность заново осмыслить и сформулировать ценности национального государства, которые стали аксиомой в странах Европы и США и успели утратить остроту и новизну. В этом смысле Россия, как молодое государство сможет предложить не только себе, но и мировому сообществу новую эффективную модель национальных отношений.